

**ПАМЯТИ ДИАНЫ, КОСТИ,
СВЕТЛАНЫ И ЮРИЯ КАЛОЕВЫХ.
ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ!**

**Ацы чинигæй арын Калоты Дианæйы, Костичы,
Светланæйы æмæ Юрийы рухс нæмттæ.
Рухсаг ут!**

ОТ АВТОРА

Главный герой этой книги — Виталий Константинович Калоев. Осетин, имя которого стало известно миллионам людей в России и за ее пределами, после того как в феврале 2004 года в пригороде Цюриха он убил авиадиспетчера Питера Нильсена, по вине которого в ночь с 1 на 2 июля 2002 года в небе над Германией столкнулись два самолета. На борту одного из них находилась вся семья Калоева: супруга Светлана и двое детей — 10-летний Костя и 4-летняя Диана.

После убийства диспетчера общество разделилось: одни были готовы понять и принять поступок Калоева, другие — настаивали на том, что убийству

нет и не может быть оправданий. К числу последних относился, например, и один из российских консулов, посещавший Калоева в швейцарской тюрьме по долгу службы. Но его мнение изменилось после того, как у него самого погиб 16-летний сын. «Невозможно понять горе и отчаяние человека, потерявшего ребенка, пока сам не окажешься на его месте. Я сожалею, что осуждал вас, — сказал он Калоеву. — Если бы я знал, кто убил моего сына, и знал наверняка, что виновный не будет наказан, то скорее всего поступил бы так же, как вы».

Я не ставлю задачей оправдать в глазах читателя Виталия Калоева. Даже он сам не оправдывает себя. Ведь, несмотря на то что ему пришлось пережить, он все-таки переступил черту, убил человека. Но что заставило его сделать этот шаг? Кровная месть, якобы все еще распространенная на Северном Кавказе, о чем так много писали западные СМИ? Умопомешательство из-за потери близких? Или бездействие и равнодушие тех, кто должен был призвать к ответу виновных в произошедшей катастрофе? И если последнее верно, то как еще можно было поступить в ситуации, когда деньги и власть явно перевешивали справедливость?

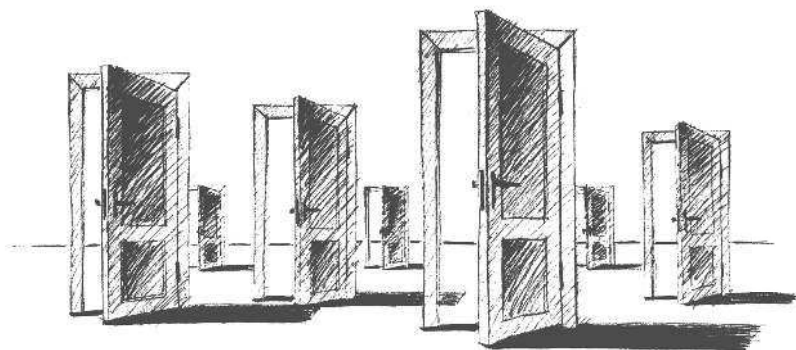
«Столкновение» — это не только о столкновении двух самолетов, это еще и столкновение разных менталитетов, разных систем ценностей, в которых живем

мы и Западная Европа. А еще это о столкновении с самим собой. О том, как под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств можно обнаружить внутри самого себя незнакомого человека, представления о жизни и морали которого диаметрально противоположны, вступить с ним в схватку и не проиграть ее. О том, как каждый день приходится сталкиваться со своей слабостью, чувством вины, отчаянием и одиночеством.

Это реальная история человека, потерявшего всё. Не только семью, но и смысл жить. Потому что в его системе ценностей дети — это единственное, ради чего имеет смысл жить. Жить по-другому он не научился даже сейчас, спустя почти 15 лет после авиакатастрофы.

Книга основана на воспоминаниях людей, помогавших Виталию Калоеву в первые дни после авиакатастрофы на месте крушения самолетов, и тех, кто находился рядом с ним во время следствия и суда по делу об убийстве Нильсена. На воспоминаниях родственников главного героя и, конечно, в первую очередь на воспоминаниях самого Виталия Калоева. Он впервые откровенно ответил на многие вопросы, в том числе и о том, было ли убийство Нильсена непреднамеренным, как решил в итоге суд.

Ксения Каспари

ПРОЛОГ

**24 февраля 2004 года
Спустя год и восемь месяцев
после авиакатастрофы
Клотен, Швейцария**

Рев моторов нарастал. Самолет бежал по взлетно-посадочной полосе мимо стеклянного здания цюрихского аэропорта. Секунды — и он уже в небе. Запрокинув голову, Виталий Калоев смотрел на «Боинг», пока проблесковые маячки не стали едва различимыми.

Очередная сигарета, дотлев до фильтра, обожгла пальцы. Он бросил окурок на землю и затушил ботинком. Посмотрел на часы — 17:45.

На улице уже темнело. Зажглись фонари и свет в окнах. Изредка, когда смолкал гул взлетающих

и садившихся самолетов, из домов доносились уютные звуки обыденной жизни: звон посуды, смех, тихая музыка или бормотание телевизора. Обычный вечер обычной жизни, которой у него давно уже нет и никогда не будет.

«Все, хватит! Сколько можно тянуть?»

Виталий стоял здесь больше часа — в двадцати метрах от дома, в дверь которого ему предстояло постучать, — и прокручивал в голове одни и те же вопросы: «Узнает ли он меня? Придется ли объяснять, зачем пришел?»

В окне соседнего коттеджа дернулась штора и снова мелькнула едва различимая темная фигура. Кто-то наблюдал за ним последние пятнадцать минут.

Калоев нащупал в кармане складной швейцарский нож и медленно двинулся к нужному дому. Одноэтажное строение неприятного грязно-розового цвета с двумя белыми дверями. Он прошел мимо них и повернул за угол. Дом стоял на холме, а внизу, на равнине, расположился цюрихский аэропорт. Отсюда вся взлетно-посадочная полоса как на ладони. Размером с нее казались самолеты, здание терминала и диспетчерская башня — место работы человека, с которым через несколько минут он наконец встретится лицом к лицу.

Виталий постучал в стеклянную дверь на веранде. Через несколько секунд невидимая рука сдвинула штору, и он увидел испуганное женское лицо.

Натянуто улыбнувшись, он приложил к стеклу лист бумаги с записанным на нем именем и адресом. По-медлив, женщина немного приоткрыла дверь.

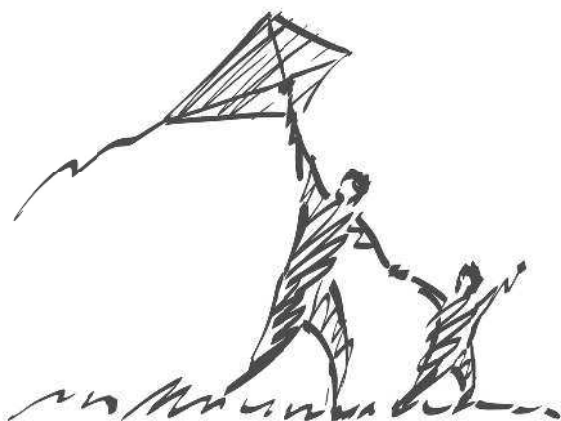
— Вы кого-то ищете? — спросила она.

— Добрый вечер, — ответил Виталий и протянул ей бумагу.

Женщина бросила на нее беглый взгляд, кивнула и указала рукой на соседнюю дверь.

Несколько шагов — и негромкий стук, прозвучавший внутри него гулким набатом. Дверь открылась почти мгновенно. Так, словно хозяин давно ждал на пороге. Их глаза встретились, и Виталий тут же понял — объяснять ничего не придется. Его узнали. Но на всякий случай все же сказал:

— Ich sien Russland! (Я есть Россия!)

ГЛАВА 1

НАВСТРЕЧУ НЕИЗБЕЖНОМУ

1 июля 2002 года

5 часов до катастрофы

Бланес, Коста-Брава, Испания

За окном белого «мерседеса» тянулось бесконечное, но, увы, не родное Черное, а чужое Средиземное море. Июль — пик сезона, и на песчаной гряде курортного Бланеса не было ни одного свободного места. Белые тела только что приехавших на побережье и загорелая кожа давно отдыхающих туристов выглядели гигантской пешеходной дорожкой — живой, вяло шевелящейся «зеброй». И что только люди находят в этом праздном возлежании под палящим солнцем?

Бланес — один из самых старейших испанских курортов, город находится в 60 км на северо-восток от Барселоны в Каталонии, население около 40 тысяч. Ближайшие аэропорты в Жироне и Барселоне (россияне предпочитают именно его).

Сам Виталий Калоев за два года жизни в Испании на пляже был всего пару раз. Отчасти потому, что моря не любил. Он, как всякий кавказец, любил горы. И считал, что лучше гор могут быть только горцы. Настоящий горец не тратит время, нежась под солнцем. Это занятие для женщин. И его Света, конечно же, тоже обожала поваляться на пляже. Виталий не видел семью почти год и в ожидании встречи то и дело рисовал в своем воображении скорый совместный отпуск. Самолет еще не вылетел из Москвы, а он уже в нетерпении ехал встречать его в Барселоне.

Глядя на море, Виталий представлял себе жену у кромки воды: она держит за руку Диану и следит за тем, как ныряет Костик, ведь за ним нужен глаз да глаз. Сыну десять, и он абсолютно бесстрашный и очень активный. Дочери всего четыре. На море она еще ни разу не была, но, зная ее характер, Виталий не сомневался, что воды малышка не испугается. Диана

росла среди мальчишек. Кроме родного брата, у нее было несколько двоюродных и троюродных, с любым из них дочь могла посостязаться в смелости и скорости. Очевидно, что вытащить из воды Диану каждый раз будет весьма непростым делом. И все же Виталий решил, что море будет только по утрам, до сиесты, а после — культурная программа.

Виталий Калоев, как всякий кавказец,
любил горы. И считал, что лучше гор могут
быть только горцы. Настоящий горец
не тратит время, нежась под солнцем.

В пригороде Бланеса расположен самый большой в стране ботанический сад «Мар и Муртра». Костику должно было понравиться. Конечно, палеонтологический музей впечатлил бы его больше, сын был абсолютно помешан на динозаврах, но гигантские кактусы, пережившие эру птеродактилей и тираннозавров, должны были его впечатлить. Ну и конечно, замок Сан-Хуан XIII века, романская базилика Святой Барбары XII столетия заинтересовали бы всех. В их семье любили историю. «Надо будет, кстати, рассказать Костику о родстве каталонцев и аланов», — подумал в тот момент Виталий.

Спустившись в город на автомобиле, он сбросил скорость и, проехав пару кварталов, остановился у небольшого магазинчика. Его хозяин Хесус (Виталий называл его Иисус) приветливо улыбнулся и, закатив глаза, провел тыльной стороной ладони по лбу. Это означало, что сегодня очень жарко. Виталий поприветствовал приятеля взмахом руки, а в знак согласия с его метеонаблюдениями кивнул головой. За два года в Испании он научился обходиться почти без слов, одним только языком международных жестов. По-испански, впрочем, уже достаточно хорошо понимал, а говорил все еще кое-как.

— Qué tal, Vitali? — спросил Хесус.

— В Барселону еду, в аэропорт. Моя семья прилетает! — ответил Виталий, щедро разбавляя свой скудный испанский красноречивыми жестикуляциями.

И Хесус, видимо, все понял. Его улыбка стала шире, он ударил в ладоши и прокричал:

— Поздравляю! — и еще что-то, из чего Виталий понял только один глагол «esperar» («ждать»), но догадался, о чем идет речь.

— Да, да! Долго ждал!

Виталий прошел к полкам с шоколадом. Нашел самую большую плитку и взял сразу две штуки, а потом

и еще какие-то конфеты типа «Скитлс». Увидел целое ведро с разными сладостями. Подумал: взять, что ли, и его? Света, конечно, станет ругаться, но Диана точно дала понять в последнем телефонном разговоре, чего ждет от первой встречи с отцом после долгой разлуки. «Купи мне маленькие плитки, большие шоколадки!» — сказала она ему по телефону. И он не мог ее разочаровать! Кто в семье Калоевых посмел бы ослушаться Принцессы Дианы? А ведь когда-то Виталий хотел назвать ее в честь своей матери — Ольгой...

Сын Костя носил имя деда — человека уважаемого во всей Осетии, заслуженного учителя, который, несмотря на скудный достаток, каждый раз, когда выбирался из деревни в город, привозил своим детям сладости. И обязательно книги. У них было очень много книг! Такой библиотеки, как в семье Калоевых, не было даже в местной школе и сельсовете. Это отец Константин привил Виталию, его братьям и сестрам любовь к чтению и истории. А Виталий привил эту любовь и Костику.

Такой библиотеки, как в семье Калоевых,
не было даже в местной школе
и сельсовете.
